

J. ČERNÝ and A. CARDINER, *Hieratic ostraca*, Oxford, 1957, X+36 стр. и 115, частично двойных, таблиц³.

В ряде музеев мира и в различных, иногда очень обширных частных коллекциях уже многие десятилетия хранятся многочисленные остраконы (обломки известняка или черепки глиняных сосудов) с иератическими надписями. Трудность их чтения, вызываемая как формой написания, так отрывочностью и очень часто фрагментарностью самих текстов, привели к тому, что в своем большинстве они остаются неизданными. До тридцатых годов, кроме статей, посвященных отдельным остраконам и факсимильного воспроизведения группы этих памятников Британского музея¹ имелись каталоги лишь остраконов Каирского² и Берлинского³ музеев, равно как музея в Торонто⁴. Однако указанные издания не исчерпывали собрания таких музеев, как Каирский, не говоря уже о том, что коллекции ряда иных музеев и крупные собрания отдельных лиц по-прежнему оставались недоступными исследователям, а число иератических остраконов, обнаруженных при раскопках, продолжало возрастать: только в Дейр эль Мединэ за 1949—1951 гг. их было обнаружено свыше семи с половиной тысяч.

В последние десятилетия появились работы Я. Черного, который опубликовал новый том остраконов Каирского музея⁵, а затем начали выходить издания остраконов, найденных Французским Археологическим институтом в Каире⁶. Большая ценность этих изданий определяется тем, что они сделали доступными для специалистов около тысячи остраконов разнообразного содержания, воспроизведенных в виде фотографий или отлично сделанных автографий и снабженных надежной иероглифической транскрипцией.

Дальнейшим и значительным шагом в деле публикации иератических остраконов является рецензируемая книга. В ней издано 337 остраконов: все они (за исключением одного, происходящего из Фаюма) были, по-видимому, найдены на западном берегу Нила, напротив Карнака и Луксора, во время производившихся в Фивах раскопок. Точных сведений о том, где был найден тот или иной остракон, к сожалению, нет, но я думаю, что не будет ошибкой предположить, что в своем большинстве они происходят из Дейр эль Мединэ. Они датируются временем XVIII — XX династий. Хотя надписи на некоторых из опубликованных в данной работе остраконах упоминались уже раньше в различных работах, главным образом Гардинера и Черного, весь материал был недоступен исследователям: лишь 28 остраконов были так или иначе изданы ранее, а еще три — известны по переводам.

В книге дана транскрипция всех публикуемых в ней надписей и факсимильное или фототипное воспроизведение большинства из них: не воспроизведены наиболее пострадавшие от времени и те, которые оказалось невозможно скопировать. Однако во всех случаях, когда надпись не воспроизведена, приводятся одна—две ее строки, которые позволяют судить о почерке. Все копии надписей, за исключением имеющих

¹ S. Birch, *Inscriptions in the hieratic and demotic character from the collections of the British Museum*, L., 1868.

² G. Darussy, *Ostraca*, «Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire», № 25001—25385, Le Caire, 1901.

³ «Hieratische Papyrus aus den Königlichen Museen zu Berlin», т. III, Lpz, 1911, табл. 26—42 (A. Gardiner).

⁴ «Theban ostraca, edited from the originales, now mainly in the Ontario Museum...», part I. Hieratic texts, by A. Gardiner, L., 1913.

⁵ J. Černý, *Ostraca hiératiques*, «Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire», № 25501—25832, Le Caire, 1935.

⁶ «Documents de Fouilles publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire», J. Černý, *Catalogue des ostraca hiératiques non littéraires de Deir el Médineh*, т. I — V, Le Caire, 1935—1951; G. Posener, *Catalogue des ostraca hiératiques littéraires de Deir el Médineh*, т. I — II, Le Caire, 1938—1954.

на Флорентийских и Туринских остраконах, содержащих отрывки из папируса Анастаси I, даны в натуральную величину, что очень важно для целей палеографического изучения текстов. Благодаря характеру издания, каждый ученый имеет возможность проверить чтение почти всех надписей. Впрочем, высокая компетентность авторов, являющихся блестящими знатоками языка и иератикки, сама по себе служит достаточной гарантией точности чтения надписей. Переводов опубликованных надписей в работе нет: Гардинер указывает, что разработка переводов надолго задержала бы издание книги, почему авторы сочли целесообразным здесь их не давать. Переводы наиболее значительных надписей делового содержания, которыми занимается Я. Черный, будут напечатаны отдельной книгой. Она, без сомнения, представит очень большой интерес.

Книге предпослано введение, написанное Гардинером, за которым следует объяснение того, чем руководствовались авторы, располагая опубликованный материал так, как это сделано в книге, и принятых к ней сокращений. Последующие 30 страниц посвящены краткому описанию издаваемых памятников. Здесь даны не только формальные данные (какому музею или лицу принадлежит остракон, материал, расположение надписей и их сохранность, а также, в тех немногих случаях, когда текст воспроизведен не в натуральную величину, — размер остракона), но и краткое раскрытие содержания текста. При этом указывается на наличие параллельных рукописей (если они имеются), а также тех немногих изданий, в которых тексты данных остраконов были использованы или воспроизведены⁷.

К описанию приложены два указателя: указатель опубликованных в данном томе остраконов и их классификация по содержанию. Этот второй указатель, равно как краткое раскрытие надписей, данное в описаниях остраконов, очень облегчают исследователям возможность разобратся в обширном и ценнейшем материале тома. Он распадается на две основные части: меньшую составляют остраконы с литературными надписями (156 остраконов), большую — все нелитературные тексты.

Литературные тексты на остраконах по своему содержанию весьма разнообразны. Здесь есть и отрывки гимнов, обращений к богам, магических текстов, Книги Мертвых, ритуалов, различных поучений, любовных песен, сказок и других. Многие из этих записей — дубликаты частей уже известных произведений, в том числе поучения Аменемхета, так называемых папирусов Анастаси и Салие, знаменитого поучения Неферти, хранящегося в Эрмитаже, и других. Однако ряд остраконов содержит отрывки из ранее не известных текстов. Значение последних понятно, но несомненно, что и среди дубликатов уже известных произведений могут оказаться такие, которые помогут разобрать не одно темное место и лучше понять давно известный памятник.

Один из остраконов содержит грамматическое упражнение — спряжение вспомогательного глагола *iw*. Это, конечно, упражнение школьника. Среди напечатанных в томе остраконов имеются и другие тексты, в том числе и нелитературные, написанные школьниками, но к этому вопросу я надеюсь вернуться в специальной статье.

Столь же разнообразны нелитературные остраконы, составляющие большую часть тома. Некоторые из них являются описями различных предметов и продуктов с указанием их количества: среди них имеются записи о выдаче ремесленникам Фиванского некрополя зерна, рыбы, зелени, сосудов, дерева, воды и т. п. Это продовольствие, входившее в паек, который ежемесячно получали ремесленники в оплату за свой труд по сооружению царских гробниц или могил знати, равно как материалы, нужные для их работы. Некоторое представление о такого рода текстах может дать запись о выданном зерне, имеющаяся на оборотной стороне ОПитри 25, относящегося, судя по надписи

⁷ Только случайным недосмотром можно объяснить то, что в описании остракона Питри 21 не указано наличие перевода текста, сделанного одним из авторов данной книги и опубликованного еще в 1930 г. (J. S e g n ú, BIFAO, т. XXX, 1930, стр. 492—493).

на лицевой стороне, сделанной той же рукой, к 25 году Рамсеса III. Запись гласит: «Начальнику отряда ремесленников $\text{хар}^8 \frac{2^2}{4}$ (п) 1^9 , писцу $\text{хар} \frac{2^2}{4}$ (п) $11\frac{1}{4}$, 17 людям, каждому (пс) $\text{хар} \frac{2^2}{4}$ (п) $1\frac{1}{4}$, что составляет $\text{хар} [42\frac{2}{4}$ (п) $21 \frac{1}{4}]$, пастуху $\text{хар} \frac{1}{4}$, рабам (по) $\text{хар} 1\frac{1}{4}$...

Итого: $\text{хар} 47\frac{2}{4}$ (п) $26\frac{2}{4} \frac{1}{10}$ ».

Интересную бытовую подробность, связанную с выдачей ремесленникам их довольствия, мы узнаем из *ОЛейтц*. 2. Текст сообщает о том, что в 17 году, вероятно, Рамсеса III, «руководители (*hntjw*) некрополя» (это начальники отряда ремесленников и писцы) сказали писцу Ахпет (по-видимому, чиновник, непосредственно ведавший выдачей довольствия ремесленникам): «мера, при помощи которой нам дают рацион,—мала». Очевидно, обсчет был настолько явен, что с руководителями отрядов не стали спорить, и в надписи мы дальше читаем: «Принесли одну... новую меру. Они (т. е. руководители отрядов) измерили ее в *гин*'ах и она составила 38 *гин*»¹¹. Запись эта составлена столь эпически, что, надо думать, такие происшествия не были в диковину.

Несколько остраконов содержат записи о выдаче ремесленникам дерева, и в одной из них (ОПитри 30) сообщается о том, что оно было дано для: «начала работ в доме (т. е. могиле) Усермаатра [Мериамона]» (т. е. Рамсеса III). Выдачу дерева ремесленникам надо, видимо, поставить в связь с надписью на ОГардинер 11. Это ряд записей, относящихся к различным дням второго, третьего и четвертого месяцев *шему* и первого месяца *ахет* второго года одного из царей XIX династии, сообщающих о «поджогах», очевидно, дерево выдавалось ремесленникам для того, чтобы они разводили огонь в скалах; разогретый таким образом камень поливали водой, от чего он давал трещины, облегчавшие работу по выемке скалы.

По мере того как продвигалась работа по изготовлению гробниц, подземная камера и коридоры которых отходили от входа иной раз на десятки метров, все острее вставала проблема освещения. Именно поэтому в ряде надписей на остраконах сообщается о выдаче ремесленникам светильников и горючего масла, а в одном (ОПитри 5)— о выдаче в 29 и 31 годах, как будто Рамсеса III, пряжи для изготовления фтилей для светильников. Пряжу получали все 40 ремесленников и трое руководителей, причем последним выдали по 24 *дебен*'а¹² пряжи, тогда как рядовым ремесленникам всего по $9\frac{1}{2}$ *дебен*'ов каждому. Срок, на который была выдана пряжа, текст, к сожалению, не сообщает.

Другие остраконы содержат перечни ремесленников, записи их явки, а также сведения о выполненных ими работах. На одном из остраконов времени XVIII династии, сообщающем о работах каменщиков в храме или могилах, имеется поверх текста большая пометка: «переписано», означающая, видимо, что данная запись уже включена в общую сводку произведенных работ. Подобных пометок дошло до нас мало, хотя нет сомнения, что очень многие остраконы содержат записи, которые позднее переписывали в сводный документ.

Среди «нелитературных» остраконов имеются два, относящиеся к той группе ежедневных записей, которые недавно были предметом специального изучения француз-

⁸ Мера сыпучих тел, равная 72 литрам.

⁹ И здесь и дальше слова и цифры, выделенные жирным шрифтом, написаны в оригинале красным. В документах Нового царства в тех случаях, когда учитывается сорт злаков, черным всегда указывается количество ячменя, а красным — полбы (см. A. Gardiner, *Ramesse texts relating to the taxation and transport of corn*, JEA, т. 27, 1941, стр. 26—27).

¹⁰ Итоговый подсчет выданного ячменя правильно суммирует каждую выдачу, но итог выдачи полбы показывает, что часть записей не сохранилась.

¹¹ *Гина* — мера жидкостей и иногда зерна, равная примерно половине литра (0,503 литра). Таким образом, новая мера должна была отмеривать за один прием $\frac{1}{4}$ *хар*.

¹² Мера веса, равная 91 грамму.

ского ученого Л. А. Кристофа¹³: исходя из них, он проследил состав одного подразделения ремесленников¹⁴ из числа тех, которые обслуживали фиванский некрополь, и установил количественные и персональные изменения, происшедшие в нем за время начиная с 24 года Рамсеса III и кончая третьим гражданским годом Рамсеса IV. Это ОПитри 50 и ОГардинер 113: первый из них, согласно VII таблице Кристофа, должен быть датирован 26 годом Рамсеса III, а второй (исходя из XI таблицы) — третьим гражданским годом Рамсеса IV. К сожалению, ОПитри 50 не имеет даты, зато ОГардинер 113, датированный вторым годом Рамсеса IV и содержащий записи с 1 по 30 число первого месяца *перет*, блестяще подтвердил таблицы, составленные Кристофом.

Значительное число надписей касается имущественных дел ремесленников. Это записи проданных ими изделий своего труда, в том числе саркофагов и деревянных статуй, — красноречивые свидетели того, что, помимо работ, так сказать, служебных, ремесленники могли выполнять частные заказы. Эти и подобные им документы содержат очень ценные сведения о стоимости разных товаров¹⁵.

Имеются черновики купчих на скот. Вот один такой документ (ОПитри 3): «Год 4, третьего месяца *шему*, дня [1] 2. День, когда *маджай* Амонмес приобрел быка у ремесленника Панамона. Дано им в его оплату: сосуд ' ' 1, что составляет 30 *дебен*, одеяний *мес*, расписных 2, что составляет меди [5] *дебен*, масла для умащений 10 *гин*, что составляет 5 *дебен*.

Итого денег (*hd*), которых он дал ему: 50 *дебен*».

Четырнадцать остраконов касаются покупок или найма ослов. Один из них (ОГардинер 106) гласит: «Год 27 (Рамсеса III), третьего месяца *шему*, дня 24. Сказал водонос Пашедунахт: «Как существует Амон, как существует Правитель! Если я дам свершиться открытию месяца и я (еще) не оплачу осла Пентауру, я буду под 100 <ударами> и он будет ко [мне] вдвойне»¹⁶.

Перед начальником отряда Хау, художником Небнефером и заместителем (начальника отряда) Хаи».

Текстов, касающихся найма или продажи ослов, довольно много было издано уже раньше. В условиях жизни ремесленников некрополя осла были важнейшим транспортным средством.

Из числа других остраконов юридического характера некоторые заслуживают большого внимания. Это прежде всего ОНаш 1, датруемый 6 годом Сети II, излагающий процесс некой горожанки Херина, разбиравшийся перед судом (*knb.t sdmjw*), осудившим ее за кражу бронзового инструмента у ремесленника, и ОНаш 2, касающийся сходного дела.

Интересны и другие тексты: обращения к обожествленному Аменхотепу I с просьбой решить различные дела путем оракула и вынесенные богом решения, клятвенные обязательства, записи, касающиеся наследования, и другие.

Значительное число надписей — это письма: их в этом томе издано 45.

Значимость большинства остраконов «нелитературного» содержания, взятых порознь, во многих случаях невелика, но в своей совокупности они исключительно

¹³ L.-A. Christophe, Les enseignements de l'ostracon 148 de Deir el-Médineh, BIFAO, т. 52 (1953), стр. 113—114.

¹⁴ Наличие этого подразделения и факт упоминания входивших в его состав ремесленников в определенной последовательности был в свое время еще отмечен J. Černý, Datum des Todes Ramses' III. und des Tronbesteigung Ramses' IV., ÄZ, 72 (1936), стр. 115 сл.

¹⁵ Данные подобного рода частично использованы в работе J. Černý, Prices and wages in Egypt in the Ramesside period, «Cahier d'Histoire Mondiale», I (1954), № 4, стр. 903 сл.

¹⁶ Это клятвенная формула. В силу произнесенной клятвы Пашедунахт обязался в случае, если он не оплатит до наступления нового месяца стоимость осла, уплатить двойную сумму.

ценны, так как могут помочь воссозданию широкой картины повседневной жизни древнеегипетских ремесленников. Именно поэтому особенно жаль, что в томе нет указателя имен и званий всех многочисленных лиц, упомянутых в остраконах; их наличие значительно облегчило бы возможность сопоставления нового обширного материала, включенного ныне благодаря трудам обоих авторов в научный обиход, с тем, который был уже известен ранее.

Труд А. Гардинера и Я. Черного содержит образцово изданный разнообразный и ценный во многих отношениях материал: он сослужит огромную службу всякому исследователю, который будет заниматься языком или литературой, историей или экономикой древнего Египта времени Нового царства. Нет сомнения поэтому, что многие ученые будут с большим интересом ожидать продолжения важного начинания обоих авторов — издания иератических остраконов, находящихся в частных собраниях и различных музеях.

Проф. И. Лурье

DIETMAR KIENAST, Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit, Heidelberg, 1954.

Деятельность Катона и сложная интересная эпоха, в которую он жил, не раз привлекали внимание исследователей как в рамках общих работ по истории Рима, так и в специальных трудах. Тем не менее далеко не все вопросы, связанные с его жизнью и деятельностью, достаточно объяснены. Рассматриваемая работа «Катон-Цензор. Его личность и его время» по-новому, в сравнении с трудами других ученых, освещает эту тему.

Книга Дитмара Кинаста состоит из введения, представляющего собой историко-графический очерк, и девяти глав. Многочисленные примечания, ссылки на источники и научную литературу выделены в особый раздел. В конце книги дана краткая библиография и список сокращений. В специальном приложении собраны фрагменты из речей Катона, что безусловно повышает ценность рассматриваемого издания.

Первая глава посвящена разбору источников. Основным источником, по которому можно воспроизвести биографию Катона, Кинаст считает Плутарха, поскольку его сочинения являются в хронологическом отношении последним трудом, кумулирующим сообщения более ранних источников. Анализируя данные Тита Ливия, он отмечает двойственность нарисованного им образа Катона Старшего, созданного, с одной стороны, на основе надежных источников, а с другой — под влиянием образа Катона Утического. С большим доверием относится Кинаст к сведениям о Катоне, имеющимся у Корнелия Непота, хотя, как мы увидим ниже, не всегда принимает во внимание его сообщения.

Прежде чем перейти к изучению личности и деятельности Катона Старшего, Дитмар Кинаст останавливается на характеристике римского общества около 200 г. до н. э. Он справедливо отмечает, что руководящее положение в Риме в ту эпоху занимал нобилитет, вышедший из патрицианских и плебейских знатных родов (стр. 25). Экономической основой этого слоя была, по мнению Кинаста, земельная собственность. Количество земли, сконцентрированной в руках отдельных представителей сенаторской знати в конце III в. до н. э., значительно превышало 400 югеров (стр. 26). Что касается политических и моральных воззрений нобилитета, то они заключались в стремлении к продлению славы и почетного положения своего рода (стр. 28, 29). Около 200 г. до н. э. значительно возрастает влияние всадничества. Кинаст правильно связывает это обстоятельство с ростом экономического могущества всадников, разбогатевших на торговых и финансовых операциях, чему способствовал *lex Claudia*.